

Фламме

Неловкость

18+

Ляман Фламме

Неловкость

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Фламме Л. С.

Неловкость / Л. С. Фламме — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Небольшое наблюдение над жизнью - немного веселое, немного печальное, но памятное.

© Фламме Л. С., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

*Совесть ночью, во время бессонницы,
несомненно, изобретена.
Потому что с собой поссориться
можно только в ночи без сна.
Потому что ломается спица
у той пряжи, что вяжет судьбу.
Потому что, когда не спится,
и в душе находишь судьбу.*

Борис Слуцкий

Вечное качество интеллигента – испытывать неловкость в любой щекотливой ситуации не оставляло его. Кажется, это называется «испанский стыд» – сделал неблагоприятное кто-то другой, а стыдно тебе.

Но почему именно к этому случаю, – Господи, уже 35-летней давности – так настойчиво, так упорно возвращалась его память? Словно на какое-то время она перестала быть волшебным орудием человеческого мозга, а превратилась в мясорубку с застрявшим куском жилистого мяса. Мясорубку заклинило – и не туда и не сюда, точно так же заклинило и его память. С дьявольской услужливостью она поставляла издерганному сознанию один и тот же давний эпизод.

И знала же, проклятая, когда нападать. Всегда в один и тот же час – в половине четвертого утра. Как заведенный открывал он глаза и продолжал лежать в постели, с недавнего времени одинокой. Подруга жизни, как высокопарно называли жену в старинных пьесах, покинула его и этот мир. Они прожили вместе 36 лет, вырастили двух успешных сыновей, обзавелись внуками. Сыновья поочередно звали его к себе после смерти матери, но менять привычки в старости трудно. Не то, чтобы боль утраты сильно жгла его, жена давно болела, и он привык к ее болезни так же, как привык к ней самой, но оставить дом, где все было ему знакомо, и главное – где он был хозяином – он не мог. К счастью, немощь еще не одолевала и в посторонней помощи он не нуждался.

К тому же хозяйствовал он исправно. Дом не приобрел сиротливого облика, как это обычно бывает после ухода хозяйки, наоборот, в нем по-прежнему приветливо светились чистые окна за цветными занавесками, и пахло теплым живым духом.

Все было бы ничего, если бы не заклинившая в половине четвертого утра память. Хотя, в принципе, и это объяснимо. Одиночество пожилого человека, бессоница, ночная тишина, не с кем словом перемолвиться – вот и лезут в голову разные мысли. Но, отчего именно эта, что не так он сделал в тот ноябрьский день 35 лет назад?..

Он, тогда еще не солидный, обрюзгший Мстислав Ильич, а просто Славик жил в коммунальной квартире и работал в редакции крупного литературного журнала. Жаль, что древние греки не придумали музу журналистики: Славик творил явно под ее благосклонным взором. Он, был, что называется подающим большие надежды и восходящей звездой эссеистики. Старшие коллеги отмечали его литой «римский» слог и деликатную манеру повествования, наперебой хвалили и каламбурили, что «Слава составит славу отечественной журналистики»

Был среди его знакомых некий Марк Эльдарович Роскин. Вот с него-то, пожалуй, и началась вся эта история.

Был это приземистый, добродушный толстячок с настоящим брабантским брюшком. Славик за глаза даже называл его Ламме Гудзаком – так разительно было сходство Роскина с неунывающим героем Костера. Прибавьте к этому карие веселые глазки, пухлую инжирину носа, толстые щеки, усыпанные веснушками – и перед вами истинный маленький фламандец.

И только волосы, некогда рыжеватые и густые, стали сейчас снежно-белыми и легкими как пух. Они не поредели, но словно утратили былую плотность и теперь трепетали от каждого порыва ветра. Это придавало облику толстячка воздушность, и, глядя на него хотелось улыбаться. Марк Эльдарович излучал радость, хорошее настроение, а такие люди – редкость во все времена.

Помимо внешности и жизнелюбия он обладал еще одним потрясающим даром – умел великолепно, обаятельно и живо рассказывать о людях, с которыми его свела судьба. Этот дар, пожалуй, был особенно ценным для Славика. Именно в таких феерических, полных искренней любви рассказах черпал он материалы для своих эссе. И, надо признаться, никогда не забывал поблагодарить старика. А тот...

Тот прямо расцветал от похвал и сыпал, бросал, кидал к перу Славика роскошные букеты своего вдохновения. Рассказчиком Роскин был отменным, под стать Ираклию Андроникову, чье мастерство стало легендой.

Заводил он, к примеру, разговор о какой-то давно умершей актрисе:

– Ах! – вначале следовал полувздых-полупауза и маленькие глаза прикрывались; веки подрагивали. Перед внутренним взором рассказчика вероятно возникала героиня самозабвенного монолога.

Затем откуда-то из глубин серого пиджачка к слушателю вытягивалась пухленькая ладошка лодочкой. Она выражала безмерную скорбь по поводу рано ушедшего таланта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.